

УДК «930»

«Седмиозерное дело»: интерпретация проблемы сквозь призму источников

А. А. Хохлов,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The “Sedmiozernoye case”: interpretation of the problem in terms of sources

A. A. Khokhlov,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

1908 г. стал знаковым для православной общественности Казани. После вступления на архиерейскую кафедру нового архиепископа Никанора (Каменского) в мае указанного года, наместник Казанского Седмиозерного Богородицкого монастыря схиархимандрит Гавриил (Зырянов), обладавший высочайшим духовным авторитетом в среде верующих, подвергся обвинению в растрате монастырского имущества, плохом ведении монастырского хозяйства и связях с социал-демократической партией. Это обернулось унижительным следствием в отношении престарелого монаха и его помощника, иеромонаха Тихона (Бузова), и их последующим изгнанием из Казанской епархии. Этот процесс был обозначен нами как «Седмиозерное дело». Актуальность избранной темы обусловлена ростом духовного почитания Гавриила как святого в России и за ее пределами, а также готовящейся канонизацией подвижника в лике общероссийских святых. Между тем, многие обстоятельства «Седмиозерного дела» до сих пор не подвергались детальному изучению, в особенности сквозь призму архивных материалов. Те же работы, которые имеются, страдают фрагментарностью и не избежали ангажированности. Предпринятое исследование является частью комплексного анализа «Седмиозерного дела» на основе аутентичных источников и затрагивает вопрос его объективной интерпретации на основе сохранившихся документов.

Abstract

The year 1908 became a landmark for the Orthodox community of Kazan. After joining the Department of Bishops of the new Archbishop Nikanor (Kamensky) in the May of the same year, the vicar of the Kazan Sedmiozerny Monastery Schema-Archimandrite Gabriel (Zyryanov), who had the highest spiritual authority among believers, was accused of embezzlement of the monastery property, poor management of the monastery economy and having contacts with the Social Democratic Party. This resulted in a humiliating consequence against the elderly monk and his assistant Hieromonk

Tikhon (Buzov) and their further expulsion from the Kazan Diocese. This process was called the “Sedmizernoye case”. The relevance of this topic is due to the growing veneration of Gabriel as a saint in Russia and abroad, as well as the forthcoming All-Russian canonization of the hermit. Meanwhile, most of the circumstances of the “Sedmizernoye case” have not been the subject of the detailed study yet, especially in the context of archival materials. The available works are fragmentary and have a biased attitude towards the events. The present work is a part of the comprehensive analysis of the “Sedmizernoye case” based on authentic sources and it touches upon the subject of its objective interpretation in the context of the preserved documents.

Ключевые слова

Гавриил (Зырянов), Седмиозерный монастырь, «Седмиозерное дело», следствие, обвинение, резонанс, старчество, церковь, духовный авторитет.

Keywords

Gabriel (Zyryanov), Sedmiozerny Monastery, “Sedmiozernoye case”, investigation, prosecution, resonance, spiritual eldership, church, spiritual authority.

Личность Гавриила (Зырянова) – одна из знаковых в русском православии рубежа XIX–XX вв. Это обусловлено его нравственным авторитетом, богатым духовным наследием и широкой известностью в среде православных верующих в Казани и далеко за ее пределами.

Церковная канонизация старца как местночтимого святого, состоявшаяся в 1997 г., легитимировала практику его народного почитания, предопределив, в соответствии с каноническими правилами, необходимость детального изучения жизненного пути подвижника. Частью этого стало житие, подготовленное А.В. Журавским к прославлению схиархимандрита Гавриила в лике святых¹. Историк стал одним из первых, кто обратился именно к архивным источникам, не ограничившись богатым преданием. В последующем, по мере возрождения системы духовного образования в России, к личности и наследию старца неоднократно обращались церковные исследователи, воспитанники духовных учебных заведений (в рамках подготовки выпускных квалификационных сочинений), краеведы. Среди них стоит выделить работы Е. В. Липакова², С. Огрызкова³ и ряда других.

Тем не менее нельзя не отметить традиционную проблему исторического поиска, ставшую своеобразным знаком времени и нашедшую отражение в обозначенном вопросе. Речь идет о поверхностности исследований, слабой проработке имеющихся источников и невнимательности историков к деталям. Даже к тем, которые способны оказать существенное воздействие на интерпретацию тех или иных исторических фактов и, как следствие, в целом итоговый результат. История Гавриила не избежала этой участи. Его жизненный путь изучался много и плодотворно, но выборочно и фрагментарно. Как следствие, сложился и закрепился ряд стереотипов (в частности, о последних годах жизни старца), не противоречащих нормам агиографической традиции, но довольно далеких от подлинной исторической действительности. Таким образом, проблема «Седмиозерного дела» – проблема, прежде всего, источниковедческого плана.

Ученики и последователи старца Гавриила, среди которых следует выделить Симеона (Холмогорова) и Варнаву (Беляева), еще при его жизни стали фиксировать события из его жизни, а также воспоминания, изречения и наставления своего учителя. Впоследствии они легли в основу двух жизнеописаний, ставших

широко известными: «Един от древних»⁴ и «Тернистым путем к Небу»⁵. Однако обстоятельства «Седмиозерного дела» в трудах писателей оказались отражены по-разному. Так, Симеон, излагая свою версию, постарался не акцентировать внимание на фигуре главного преследователя старца – архиепископа Казанского и Свияжского Никанора (Каменского). Прекрасно понимая, что полностью исключить епархиального архиерея из своего повествования ему вряд ли удастся, Симеон деликатно назвал судьбоносного епископа «Архиепископом Н».

В указанном русле, в той или иной степени, последовали и другие биографы, возводя причину резонансного дела либо к обезличенным врагам, либо к недоразумению или проискам ленивых и завистливых представителей братии Седмиозерного монастыря. «Монахи только видели, что этот их наместник ведет дело к сокращению расходов и заставляет всех работать. И стали всячески во всем ему мешать, препятствовать, даже угрожали. А чем все это кончилось, увидим дальше», – писал Варнава (Беляев)⁶. Впрочем, Варнаву извиняет то, что в отличие от Симеона, он не был непосредственным свидетелем описанных событий. Поэтому некоторые вольные акценты ему вполне простительны. Между тем, именно созданная Варнавой биография старца выгодно отличается ярко выраженным стремлением к объективности, в том числе при описании «скользких» моментов церковной жизни. Допускаем, что отчасти и в силу этого она впоследствии не стала столь востребованной в среде православной общественности, как более «гладкая» работа Симеона⁷.

Спустя много десятилетий автор Приложений к едва ли не единственному изданию «Тернистого пути» – советский диссидент П. Г. Проценко – вслед за Варнавой попытался вскрыть подлинные обстоятельства событий 1908 г., базируясь на документальных источниках. И хотя публицист явно не ставил своей целью провести всестороннее и тщательное расследование, трудно отказать П. Г. Проценко в проницательности и психологической точности ряда его замечаний, тонком чувствовании эпохи, в которой кристаллизовалось «Седмиозерное дело». «История изгнания аскета из Седмиозерной пустыни, – пишет он, – это история искренне и глубоко верующего человека, чуткого к веянию Духа Божьего, столкнувшегося в стенах Церкви с духом казенщины и агрессивного равнодушия»⁸.

И все же, несмотря на спорадические попытки отдельных писателей, «Седмиозерное дело» так и не стало предметом специального рассмотрения исследователей. И это несмотря на живейший интерес богословов, церковных публицистов и обычных верующих к персоне схииеромонаха Гавриила. В данном случае коллективное церковное сознание проявило удивительную избирательность и непоследовательность. Конечно, известны единичные исключения. Так, в исследовании С. Огрызкова, ставившего своей целью раскрытие специфики пастырства старца, события в Седмиозерном монастыре закономерно нашли отражение. С точки зрения автора, произошедшее следует рассматривать как важный этап в судьбе подвижника, оказавший значительное влияние на его строгий аскетический облик. Однако, вводя в оборот ряд ценных архивных документов и задаваясь вопросом, в чем же была причина организованного архиепископом Никанором (Каменским) преследования, С. Огрызков не смог избежать сознательной интеллектуальной капитуляции, что довольно характерно для церковных исследователей, сталкивающихся с острой и этически неоднозначной проблемой: «Думается, и сам владыка Никанор, хотя и имел негативное мнение о наместнике и казначее Седмиозерной пустыни, не желал такого развития событий – большого скандала и нареканий из Петербурга (дело было закрыто в 1914 г.), да и еще в самом начале

своего пребывания на кафедре»⁹. Однако, как показали наши исследования, дело обстояло куда сложнее, а верить в добродушное нежелание архиерея раздувать скандал не имеется никаких объективных оснований. Поэтому позиция С. Огрызкова не делает ему чести.

Хронологически точку в вопросе в 2007 г. поставил Е. В. Липаков. По мнению историка, архиепископ Никанор просто не разобрался в деле, поскольку только-только был назначен на казанскую кафедру, в силу чего не обладал полнотой информации. Поэтому и внял наветам недоброжелателей наместника Седмиозерного монастыря. Старец же в 1910 г. был полностью оправдан¹⁰. Однако данный вывод не более обоснован и убедителен, чем примирительное умозаключение С. Огрызкова, хотя бы в силу того факта, что вольная гипотеза о плохой информированности архиерея опровергается документами. Вопреки этому, источники указывают на иное положение дел: архиепископ Казанский внимательно следил за ходом расследования, направлял его и как никто другой обладал всей полнотой информации о состоянии Седмиозерной пустыни и ее духовенстве. Услугу в этом оказывали не только официальные ревизоры, но и осведомители, не брезгавшие в определенные периоды перлюстрацией переписки подследственных.

Сглаживающая позиция церковных писателей понятна. Ее вполне можно списать на нежелание выносить «сор внутрицерковного конфликта из избы» как реализацию древнего принципа «не судиться у внешних». Однако это вряд ли служит правому делу вскрытия подлинных обстоятельств этой мрачной истории.

Пресловутый вопрос реабилитации Гавриила, которая, благодаря тем же историкам, якобы впоследствии имела место, требует особого внимания. Как следует из архивных документов, в 1910 г. дело в отношении старца (которое, к слову, даже спустя два года после начала не утратило остроты) было прекращено. И судя по всему, это произошло довольно резко. Но прекращение – не то же, что оправдание. На самом деле, для некоторых лоббистов продолжения следствия случившееся стало полной неожиданностью, что только усиливает, а не проясняет неопределенность.

Откуда взялась эта версия? Вероятней всего, она стала следствием неоправданной натяжки, сделанной П. Г. Проценко в ходе работы с материалами. Именно киевский исследователь впервые приходит к выводу о том, что в 1910 г. Гавриил был полностью оправдан, хотя и не получил соответствующих извинений¹¹. Однако как ни пытались мы найти документальное подтверждение обозначенному утверждению, сделать этого не удалось. Личное обращение к П. Г. Проценко с просьбой разъяснить возникшую коллизию, к сожалению, ясности не внесло: прошло слишком много времени, и основания сделанных когда-то умозаключений сегодня являются тайной даже для самого публициста. Между тем, последующие историки попросту их переняли. Как водится, без должного критического анализа, что и привело к известным последствиям¹².

Вероятней всего, П. Г. Проценко основывал свой вывод на одной из ревизий монастыря, осуществленной летом 1908 г. Ее суть сводилась к признанию отсутствия подтверждающих доказательств по ряду обвинений, выдвинутых против схииерхимандрита Гавриила и монастырского казначея иеромонаха Тихона (Бузова). Речь, очевидно, шла о рапорте епархиального следователя протоиерея Михаила Меньшикова на имя архиепископа Никанора от 27 июля. Но, во-первых, рапортов (и в нашем исследовании мы это показали¹³), подготовленных в это время отцом Меньшиковым, было несколько. И не все они носят адвокатирующий характер. Поэтому, если в некоторых из них и говорится об отсутствии вины подследственных,

то только лишь по отдельным пунктам обвинений. Настрой преследователей старца в тот период был таков, что полностью встать на сторону схиархимандрита Гавриила для самого Меньшикова было небезопасно. В силу этого, вопрос пресловутого долга монастыря в 10 тысяч рублей епархиальным ревизором формально не снимался. Во-вторых, финальный вердикт о виновности или невиновности священнослужителя относился к компетенции архиерея. Но ревизии протоиерея Михаила Меньшикова радикальным образом настроений архиепископа Никанора и его окружения не изменили. В-третьих, рапорт о проведенной ревизии, на который опирается П. Г. Проценко, датируется 27 июля, т.е. временем после свершившегося отъезда старца в Псков. В таком случае, значение документа нельзя назвать существенным в вопросе влияния на статус подследственного: фактическое изгнание из Казанской епархии, в условиях отсутствия официальной реабилитации и восстановления репутации, наглядней всего свидетельствует о вердикте судей.

Подобных нюансов в деле об обвинении и изгнании Гавриила из Казани множество. Исходя из этого, остро встала необходимость новой комплексной и детальной проработки всей имеющейся на сегодняшний день источниковой базы по «Седмиозерному делу». Результатом чего стала указанная выше монография.

Корпус источников исследования базировался на документах Государственного архива Республики Татарстан (фонд Казанской духовной консистории)¹⁴, Российского государственного исторического архива (фонд Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода)¹⁵, а также Государственного архива Российской Федерации¹⁶ и Российского государственного архива древних актов¹⁷. Следует упомянуть и о привлечении епархиальной периодики за период с 1908 по 1915 г. («Известия по Казанской епархии», «Псковские епархиальные ведомости» и «Архангельские епархиальные известия»), которые сегодня в полной мере доступны благодаря сети Интернет. Важность ее трудно переоценить. В особенности, в плане соблюдения хронологии событий и их фактического содержания.

Ключевыми для реконструкции обстоятельств «Седмиозерного дела», безусловно, являются документы, депонированные в деле «Об увольнении наместника Казанской Семиозерной пустыни архимандрита Гавриила и о назначении вместо него на оную должность архимандрита Архиерейского дома Андроника»¹⁸. Дело содержит материалы ревизий Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни, определения архиерея, консисторские постановления и канцелярскую переписку, рапорты епархиальных ревизоров, новой администрации монастыря, записки и доклады схиархимандрита Гавриила, доносы и иные источники. Словом, все наиболее значимые документы. На некоторых из них сохранились пометки и комментарии, а также резолюции архиепископа Никанора, позволяющие отслеживать настроение правящего архиерея. Вспомогательную функцию выполняют протоколы заседаний Казанской духовной консистории.

Впрочем, местные архивы, несмотря на свою содержательность, нельзя считать исчерпывающими. В целях восполнения этого недостатка, нами в оборот были введены документы канцелярии обер-прокурора. Так, к примеру, один из доносов на старца Гавриила сохранился только в материалах синодального фонда. Существенным для полноты картины стал вопрос интерпретации «Седмиозерного дела» казанским архиепископом в его донесениях в Петербург. К слову, аналогичной возможностью пользовался и схиархимандрит Гавриил, что позволило в комплексе произвести оценку осведомленности и, как следствие, позиции высшей церковной власти в отношении трагических событий в Казанской епархии весны-лета 1908 г.

Документы Государственного архива РФ и Российского государственного архива древних актов носят, преимущественно, вспомогательный характер, в ряде случаев позволяя восполнить пропуски в сюжете лакуны. Такими, например, следует считать фрагменты биографии духовного воспитанника старца Гавриила, иеромонаха Тихона. В целях объективности отметим, что в работе не были задействованы региональные архивы Пскова, куда в июле 1908 г. отправился на проживание старец Гавриил. Однако, принимая во внимание тот факт, что период его пребывания в Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре был интересен для нас лишь в контекстуальном плане, данная проблема не считается существенной.

Обозначенный подход, в конечном счете, дал возможность наиболее точного определения причин возникновения «Седмиозерного дела», уточнения его хронологии, формулирования более объективных и верифицируемых выводов относительно роли, которую сыграл тот или иной фигурант в период следственного процесса и после его прекращения; ответа на вопрос: чем на самом деле была движима церковная власть, организуя резонансное преследование широко известного в Казани и за ее пределами аскета, какие этико-антропологические мотивы лежали в основе ее поведения и как проявил себя на этом фоне сам старец Гавриил. Ответ на него принципиально важен, в особенности в преддверии объявленной Русской православной церковью всероссийской канонизации святого.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Житие прп. Гавриила, старца Седмиозерной пустыни / Сост. А. В. Журавский. – М., 1997. – 38 с.
2. Липаков Е. В. Архипастыри Казанские 1555-2007. – Казань, 2007. – 475 с.; Гавриил (Седмиозерный), преподобный // Православная энциклопедия. – М., 2005. – Т. 10. – С. 195-197.
3. Огрызков С. Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова). – Сергиев Посад, 2000. – 208 с.
4. Симеон (Холмогоров), архим. Един от древних: Схиархимандрит Гавриил, старец Седмиозерной и Спасо-Елеазаровой пустыней: Жизнеописание. Творения. Письма / Сост. и общ. ред.: иерей Андрей Лобашинский. – М., 2003. – 544 с.
5. Варнава (Беляев), еп. Тернистым путем к Небу. Жизнеописание старца Гавриила Седмиозерной пустыни. – М., 1996. – 497 с.
6. Там же. – С. 262-263.
7. Следует заметить, что и отношение к самому епископу Варнаве в церковной среде сложилось довольно неоднозначное – советский церковный подпольщик с признаками юродства. Впрочем, вероятно, основная причина теплохладного восприятия Варнавы все же была не в видимой нестандартности его натуры и поведения. В своих записках и дневниках он прямо критиковал современный церковный епископат, не брезгуя давать довольно нелестные характеристики его отдельным представителям. Впоследствии уже в наши дни это привело к открытой цензуре его трудов, удалению из них целых фрагментов.
8. Варнава (Беляев), еп. Указ. соч. – С. 423.
9. Огрызков С. Указ. соч. – С. 44.
10. Липаков Е. Указ. соч. – С. 298.
11. Варнава (Беляев), еп. Указ. соч. – С. 434.
12. Е. В. Липаков говорит о реабилитации отца Гавриила в 1910 г., С. Огрызков относит ее к 1914 г.
13. Хохлов А. А. Дело наместника Казанской Богородицкой Седмиозерной пустыни схиархимандрита Гавриила (Зырянова). Очерк антропологии церковной морали в свете событий 1908 г. – Казань, 2019. – 147 с.

14. ГА РТ, ф. 4, оп. 1.
15. РГИА, ф. 797, оп. 78; ф. 796, оп. 189.
16. ГА РФ, ф. 10035, оп. 1.
17. РГАДА, ф. 1183, оп. 1/49.
18. ГА РТ, ф. 4, оп. 1, д. 122924, 186 л.

Список литературы

Варнава (Беляев), еп. Тернистым путем к Небу. Жизнеописание старца Гавриила Седмиезерной пустыни. – М., 1996. – 497 с.

Житие прп. Гавриила, старца Седмиезерной пустыни / Сост. А. В. Журавский. – М., 1997. – 38 с.

Липаков Е. В. Архипастыри Казанские 1555-2007. – Казань, 2007. – 475 с.

Огрызков С. Пастырство схиархимандрита Гавриила (Зырянова). – Сергиев Посад, 2000. – 208 с.

Симеон (Холмогоров), архим. Един от древних: Схиархимандрит Гавриил, старец Седмиезерной и Спасо-Елеазаровой пустыней: Жизнеописание. Творения. Письма / Сост. и общ. ред. иерей А. Лобашинский. – М., 2003. – 544 с.

References

Lipakov E. V. *Arhipastyri Kazanskie 1555-2007* [Archpastors of Kazan, 1555-2007]. Kazan, 2007, 475 p.

Ogryzkov S. *Pastyrstvo shiarchimandrita Gavriila (Zyryanova)* [The pastorship of Schema-Archimandrite Gabriel (Zyryanov)]. Sergiev Posad, 2000, 208 p.

Simeon (Kholmogorov), arkhim. *Edin ot drevnih: Shiarhimandrit Gavriil, starets Sedmiezernoy i Spaso-Eleazarovoy pustyni: Zhizneopisanie. Tvoreniya. Pisma. Sost. I obshch. red.: ierey Andrey Lobashinsky* [Simeon (Kholmogorov), arkhim. The one from the ancient: Schema-Archimandrite Gabriel, elderly monk of the Sedmiozerny and Spaso-Eleazarov Monasteries. Biography. Works. Letters. Comp., ed. by priest Andrey Lobashinsky]. Moscow, 2003, 544 p.

Varnava (Belyaev), ep. *Ternistym putem k Nebu. Zhizneopisanie startsa Gavriila Sedmiezernoy pustyni* [The thorny road to Heaven. The life of elderly monk Gabriel of the Sedmiozerny Monastery]. Moscow, 1996, 497 p.

Zhitie prp. Gavriila, startsa Sedmiozernoy pustyni. Sost. A. V. Zhuravskij [The life of Reverend Gabriel, the elderly monk of the Sedmiozerny Monastery]. Moscow, 1997, 38 p.

Сведения об авторе

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: a_radiance@mail.ru

About the author

Alexander A. Khokhlov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Anthropology and Ethnography, the Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: a_radiance@mail.ru

В редакцию статья поступила 29.06.2020, опубликована:

Хохлов А. А. «Седмиезерное дело»: интерпретация проблемы сквозь призму источников // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 3. – С. 169-175.

Submitted on 29.06.2020, published:

Khokhlov A. A. "Sedmiozernoe delo": interpretatsiya problemy skvoz prizmu istochnikov [The "Sedmiozernoye case": interpretation of the problem in terms of sources]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 3, pp. 169-175.